

ЯКОВЛЕВА Дарья Игоревна,
магистрант, юридический факультет,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при президенте Российской Федерации»
Северо-Западный институт управления,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: yakovleva.d.i@yandex.ru

Научный руководитель:
ЮЩЕНКО Наталья Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при президенте Российской Федерации»
Северо-Западный институт управления, г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ ПО ЗАКОНУ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются вопросы осуществления несовершеннолетними наследственных прав по закону. В частности, исследуются проблемы, связанные с осуществлением наследственных прав детей, которые были зачаты посредством анонимного донорства, в том числе вопросы, касающиеся сокрытия другими наследниками наличия у наследодателя несовершеннолетних наследников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: несовершеннолетние, наследственные права, донор, наследники, законодательство, злоупотребление.

YAKOVLEVA Daria Igorevna,
Master's student, Faculty of Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation» North-Western
Institute of Management, St. Petersburg.

Scientific supervisor:
YUSHCHENKO Natalia Valerievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Civil and Labor Law at the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”
Northwestern Institute of Management, St. Petersburg.

EXERCISE OF INHERITANCE RIGHTS BY MINORS BY LAW

ANNOTATION. The article examines the issues of the implementation of minors' inheritance rights under the law. In particular, it examines the problems associated with the implementation of the inheritance rights of children who were conceived through anonymous donation, including issues related to the concealment by other heirs of the presence of minor heirs of the testator.

KEY WORDS: minors, inheritance rights, donor, heirs, legislation, abuse.

Следует подчеркнуть, что действующее отечественное законодательство, в особенности в сферах гражданского и административного права, не регулирует процесс определения происхождения детей, рожденных после смерти человека, чьи генетические материалы были использованы для оплодотворения, включая случаи анонимного донорства. Вопросы, связанные с рождением детей с использованием генетического материала иностранцев или одиноких мужчин, которые не имеют права участвовать в применении вспомогательных репродуктивных технологий, также остаются нерешенными.

В такой ситуации, очевидно, происходит ущемление интересов детей, которые уже появились на свет, в результате того, что они ставятся в неравное положение в контексте их права на получение наследства. В данном случае концептуальным видится необходимость разработки и последующего внесения изменений в гражданское законодательство правовых норм, которые должны определять порядок установления происхождения детей, которые были зачаты и в последующем рождены благодаря анонимному донорству, посмертной репродукции, или с применением биоматериала лиц, не имеющих гражданство Российской Федерации, или мужчин, не состоящих в браке (одиноких). Этот вопрос должен подлежать детальному обсуждению и анализу. Результат таких обсуждений должен быть выражен в виде изменений, внесенных в Главу 3 ГК РФ.

Обращаясь к судебной практике, можно заметить, что одинокие мужчины, которые принимают непосредственное участие в таких отношениях, могут претендовать на признание отцовства. Так, в Москве Хамовнический районный суд рассмотрел дело, в котором исковые требования гражданина М. были удовлетворены в полном объеме. Суть дела заключалась в том, что гражданин М. был признан отцом и как следствие единственным законным представителем несовершеннолетней А., которая была рождена с применением вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства. Орган ЗАГС отказал в выдаче свидетельства о рождении, в котором в графе «мать» было указано «неизвестна». Суд обязал Хамовнический ЗАГС выдать такое свидетельство о рождении, тем самым признав гражданина М. единственным родителем несовершеннолетней А [1]. Аналогичные решения были приняты и другими районными судами г. Москвы – Головинским районным судом и Перовским районным судом.

Здесь же стоит сказать о том, что анонимное донорство полностью лишает несовершеннолетнего прав на получение наследства. В данном

случае представляется необходимым законодательно предусмотреть возможность раскрытия имени донора в срок одного месяца после рождения ребенка, с последующим проведением генетической экспертизы и обращением в суд с целью установления факта отцовства.

Представляется важным рассмотреть судебную практику Верховного Суда Российской Федерации. Так, в своем Решении от 13 января 2011 года (дело № ГКПИ10-1601) [3] было отказано в удовлетворении требований о признании частично недействительным пункта 6 Инструкции о применении методов вспомогательных репродуктивных технологий, утвержденной Приказом Минздрава России от 26 февраля 2003 года № 67 гражданке В.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что исходя из содержания ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 (далее - Основы законодательства), любая женщина, которая является совершеннолетней и находится в возрасте, возможном для рождения ребенка, имеет право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона. Однако такие процедуры должны проводиться в строго определенных медицинских учреждениях, имеющих соответствующую лицензию. При этом такая процедура может проводиться только при условии обоюдного письменного согласия супругов, либо согласия женщины, если она не состоит в официальном браке.

Однако суд отметил, что все документы, которые связаны с процедурой искусственного оплодотворения или процедуры эко, не могут быть разглашены, так как подпадают под врачебную тайну. К таким сведениям относится в частности информация о доноре. При этом медицинское учреждение должно предоставить женщине всю информацию, касающуюся непосредственно самой процедуры, последствиях медицинского и правового характера, результатах анализа медико-генетического характера, внешних данных и национальности человека, который будет являться донором.

Процедура искусственного оплодотворения для одиноких женщин в России, согласно действующему законодательству, строго регламентирована и основана на нескольких ключевых принципах. Прежде всего, необходимо подчеркнуть абсолютную необходимость письменного согласия женщины на проведение процедуры. Без этого документа медицинское учреждение не имеет права приступать к искусственному оплодотворению. Это согласие является основополагающим актом, подтверждающим волеизъявление женщины и ее осознанное решение стать матерью таким способом.

Законодательство гарантирует женщине право на анонимность донора генетического материала. Личность донора тщательно скрывается, и доступ к этой информации ограничен исключительно рамками, прописанными в статье 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. Это означает, что разглашение информации о доноре возможно лишь в строго определенных, исключительных случаях, предусмотренных законом, например, при расследовании уголовных преступлений, связанных с деятельностью клиники, или в случае возникновения угрозы для здоровья матери или ребенка.

Информация, которую женщина может получить о доноре, крайне ограничена и носит исключительно медицинский характер. Это, как правило, результаты медико-генетического обследования, позволяющие оценить наличие наследственных заболеваний и генетических рисков, а также общие сведения о внешних признаках (рост, цвет глаз, волос) и национальности. Такой подход гарантирует женщине определенный уровень информации, необходимый для принятия решения, но одновременно сохраняет анонимность донора. Следует подчеркнуть, что донор не осведомляется о дальнейшей жизни своего генетического материала, не принимает участия в развитии ребенка и не имеет возможности узнать об успехе оплодотворения. Более того, нет необходимости в его письменном разрешении на применение его биоматериала в процедуре искусственного зачатия.

Это объясняется тем, что его роль сводится исключительно к предоставлению биоматериала, после чего он теряет любые юридические права на него. С момента передачи биоматериала клиника репродукции становится его полноправным владельцем и несет всю ответственность за его применение в рамках медицинских манипуляций. Медицинское учреждение, в свою очередь, должно подробно проинформировать женщину о всех аспектах процедуры, включая отсутствие каких-либо отцовских прав и обязанностей со стороны донора по отношению к будущему ребенку. Этот аспект имеет первостепенное значение и юридически определяет права и обязанности всех сторон процесса.

Между женщиной и донором не возникает никаких юридических договоренностей или семейно-правовых связей. Таким образом, донор не может быть признан отцом ребенка, рожденного в результате искусственного оплодотворения, даже через судебное разбирательство. Положения статьи 49 СК РФ, касающиеся установления отцовства в судебном порядке, в данном случае не имеют юридической силы. Это означает, что женщина, использующая услуги вспомогательных репродуктивных технологий,

несет полную ответственность за воспитание и содержание ребенка, и никто не может предъявить к донору требования, связанные с его отцовством.

Таким образом, действующее законодательство строго регулирует процедуру искусственного оплодотворения для одиноких женщин, обеспечивая защиту прав, как женщины, так и донора. Система анонимности донора, отсутствие его правовых обязательств по отношению к ребенку и ясное определение ответственности медицинского учреждения – все это призвано создать правовую базу, гарантирующую этичность и безопасность процедуры. Важно подчеркнуть, что законодательная база, регулирующая этот процесс, направлена на защиту всех вовлеченных сторон, минимизируя потенциальные конфликты и юридические споры.

При этом, само обращение к искусственному оплодотворению, как методу репродукции, является актом осознанного и самостоятельного выбора женщины, ответственность за который она несет в полной мере. Законодательство оставляет за женщиной полное право выбора и одновременно предоставляет необходимые гарантии и правовую защиту.

Согласно пункту 1 статьи 5 Основ законодательства, федеральные органы власти ответственны за принятие и корректировку федеральных законов и нормативных актов, касающихся охраны здоровья граждан, а также за надзор и контроль за их исполнением. Министерство здравоохранения Российской Федерации, в соответствии с Постановлением Правительства от 29 апреля 2002 г. № 284, обладает полномочиями издавать в пределах своей компетенции нормативные акты [1]. Соответственно, приняв указанную Инструкцию, Министерство не превысило свои полномочия.

Современное законодательство сталкивается с беспрецедентными вызовами, порожденными стремительным развитием вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Легализация криоконсервации и хранения гамет, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, как это предусмотрено, например, статьями 55 и 68 Основ законодательства о здравоохранении (в зависимости от конкретной юрисдикции), создает лакуны в правовом поле, особенно в отношении определения наследственного статуса детей, рожденных после смерти предполагаемого родителя (далее – наследодателя), с использованием его генетического материала.

Эта сложная проблема порождает множество юридических вопросов, которые можно условно разделить на две основные категории. Первая категория вопросов сосредоточена вокруг судьбы биологических материалов самого наследодателя. Здесь возникает ряд проблем,

требующих детального правового регулирования. Во-первых, необходимо четко определить порядок распоряжения этими материалами после смерти донора.

Во-вторых, возникает проблема установления факта биологического отцовства или материнства в случае рождения ребенка после смерти предполагаемого родителя. Доказательная база в подобных ситуациях может быть сложной и требовать привлечения генетических экспертиз, что само по себе создает ряд процедурных и финансовых вопросов.

Вторая категория вопросов непосредственно касается наследственных прав ребенка, зачатого *post mortem*. Этот аспект является наиболее сложным и спорным. Действующее гражданское законодательство в большинстве стран не дает исчерпывающего ответа на вопрос о наследственных правах детей, рожденных после смерти родителя. Хотя традиционно признается право на наследство ребенка, зачатого при жизни наследодателя, даже если рождение происходит уже после его смерти (поскольку зачатие считается завершенным актом в материнском организме), ситуация с использованием криоконсервированных гамет принципиально иная. Практика разных стран демонстрирует широкий спектр подходов.

Некоторые государства, например, Израиль и Нидерланды, категорически отказывают детям, зачатым после смерти родителя, в наследственных правах. Другие, в том числе многие штаты США, устанавливают определенные условия для признания таких прав, часто через законодательные акты или судебные прецеденты. Эта разница в подходах обусловлена различными правовыми системами, культурными традициями и этическими соображениями. Наиболее разработанные правовые модели в этой области представлены, например, Единообразным наследственным кодексом США (Uniform Probate Code), принятым Национальной конференцией уполномоченных по единообразным законам (National Conference of Commissioners on Uniform State Laws) в 1969 году с последующими дополнениями в 2008 году.

Этот кодекс, хотя и не лишен недостатков, демонстрирует попытку системно урегулировать вопросы наследства в условиях развития ВРТ. Он включает в себя механизмы установления отцовства *post mortem*, определения прав ребенка на наследство и условия призвания его к наследованию, учитывая различные обстоятельства и потенциальные конфликты. Однако даже этот кодекс не является панацеей, и его применение на практике порождает новые вопросы и вызовы, требующие постоянного совершенствования законодательства.

Внедрение в российское законодательство четких положений, регулирующих посмертную

репродукцию с использованием биоматериалов умершего, является задачей, требующей взвешенного подхода и глубокого анализа. Суть проблемы заключается в необходимости установления ясных правил, которые бы, с одной стороны, гарантировали права детей, зачатых после смерти родителя, а с другой – защищали интересы остальных наследников и предотвращали потенциальные злоупотребления. Сейчас законодательство не содержит прямого ответа на вопрос о правовом статусе таких детей и их наследственных правах. Это создаёт почву для многочисленных споров и конфликтов.

Предлагаемое законодательное новшество, включающее в себя обязательное согласие наследодателя на посмертное зачатие и установление временных ограничений на момент зачатия, призвано разрешить эту правовую неопределённость. Введение требования о согласии наследодателя является критически важным элементом. Это предотвратит ситуации, когда биологический материал используется без воли умершего, что может рассматриваться как грубое нарушение его права на самоопределение.

Ограничение временного периода для зачатия необходимо для предотвращения неопределённости и затягивания процесса распределения наследства, который может длиться годами, а в некоторых случаях – десятилетиями, создавая тем самым неустойчивую правовую ситуацию для всех участников наследственного дела. ГК РФ чётко устанавливает приоритет детей в наследовании по закону, признавая их наследниками первой очереди (ст. 1142 ГК РФ).

Этот приоритет обусловлен кровным родством и является фундаментальным принципом наследственного права. Однако, введение посмертной репродукции вносит изменения в традиционное понимание родства, так как ребёнок, зачатый после смерти родителя, не имел возможности установить с ним живую связь. Поэтому, равенство прав таких детей с детьми, родившимися при жизни наследодателя, требует тщательного правового обоснования и прозрачных механизмов реализации.

Особого внимания заслуживает положение о правах усыновленных детей. Согласно ГК РФ (ст. 1147) и СК РФ (п. 1 ст. 137), усыновленные дети приравниваются в имущественных правах и обязанностях к родным детям в отношениях с усыновителями и их родственниками. Это принципиально важно для обеспечения стабильности и преемственности семейных отношений. Однако, это положение может вызывать дискуссии в контексте наследования, особенно в случаях отмены усыновления. Необходимо четко определить, как изменение правового статуса усыновленного влияет на его наследственные права.

ГК РФ не даёт однозначного ответа на этот вопрос, оставляя пробелы в регулировании. Правовой статус усыновленного на момент открытия наследства является ключевым фактором, определяющим его права и обязанности. В связи с этим, предложение о внесении изменений в законодательство по вопросу посмертной репродукции должно быть подкреплено детальным анализом возможных последствий, включая разработку механизмов защиты прав всех заинтересованных сторон: детей, зачатых после смерти наследодателя, остальных наследников, кредиторов и других лиц.

Необходимо учесть все нюансы и предусмотреть меры, исключая возможность злоупотреблений и обеспечивающие справедливое распределение наследства. Только тщательно проработанное законодательство сможет обеспечить гармоничное сочетание инновационных технологий и традиционных принципов наследственного права. В противном случае, новая правовая регуляция может привести к возникновению новых проблем и конфликтов, усугубляя существующую ситуацию неопределённости.

На практике также встречаются случаи нарушения наследственных прав детей. К примеру, бывают ситуации, когда родственники наследодателя умышленно не сообщают нотариусу о наличии других несовершеннолетних наследников, претендующих на активы наследственной массы. В таких ситуациях органы опеки и попечительства обязаны принимать меры для защиты прав ребенка как наследника. Однако полномочия этих органов в контексте охраны наследственных прав несовершеннолетних не закреплены в федеральном законодательстве, включая Семейный кодекс и Закон «Об опеке и попечительстве». Это обстоятельство подчеркивает важность региональных правовых инициатив.

Например, в Пензенской области только один нормативный акт — Письмо Минобразования от 30.05.2003 № 215/01-18 — регламентирует защиту наследственных прав. Оно предусматривает, что в случае, когда несовершеннолетний остается без попечения родителей и нуждается в защите своих имущественных прав, местные органы обязаны проверить наличие наследственного или дарственного имущества, и принять меры для защиты его прав [2]. Это включает в себя выявление, охрану и управление имуществом, взыскание долгов и возмещение убытков.

Российское гражданское законодательство, регулирующее вопросы наследования, содержит пробел, касающийся обязанности наследников сообщать друг другу о своем существовании и о своем праве на наследство. Закон не обязывает наследников информировать нота-

риуса или других наследников о наличии других претендентов на наследственную массу. Это обстоятельство активно используется в судебной практике, где отсутствие информации о других наследниках не является основанием для отказа в принятии наследства уже заявившимся наследником.

Суд, как правило, не принимает во внимание факт того, что кто-то из наследников умолчал о существовании других, даже если это умолчание носит преднамеренный характер и привело к нарушению прав других наследников. Эта юридическая лакуна особенно остро проявляется в случаях, когда речь идет о несовершеннолетних наследниках, находящихся под опекой. Часто, лица, осуществляющие попечительство над несовершеннолетними, злоупотребляют своими полномочиями, используя наследственную массу ребенка в собственных интересах. Вместо того, чтобы защищать права подопечного, попечители действуют небрежно и легкомысленно, пренебрегая своими обязанностями по защите имущественных прав ребенка. Это приводит к грубым нарушениям прав несовершеннолетних наследников, лишая их законной доли в наследстве.

Встречаются ситуации, когда, к примеру, супруг умершего получает всю наследственную массу, скрывая факт существования несовершеннолетнего ребенка от наследодателя. В таких случаях попечитель несовершеннолетнего, который должен выступать в интересах ребенка, не предоставляет суду убедительных доказательств, объясняющих пропуск срока для принятия наследства. Отсутствие активности со стороны опекуна, а также отсутствие механизмов для выявления и пресечения подобных действий со стороны попечителей, значительно усугубляет положение несовершеннолетних наследников и создает условия для безнаказанности злоупотреблений.

Судебная практика полна подобных примеров, что свидетельствует о системной проблеме в правоприменительной сфере. Это указывает на необходимость внесения корректировок в законодательство, которые бы обеспечили более эффективную защиту прав несовершеннолетних в наследственных делах. Более того, отсутствие ясной законодательной регламентации процедуры информирования наследников друг о друге создает почву для возникновения многочисленных споров и длительных судебных разбирательств. Это приводит к затягиванию процесса распределения наследства, что наносит дополнительный ущерб, особенно в тех случаях, когда речь идет о несовершеннолетних, чьи интересы требуют оперативного разрешения ситуации.

Законодательное молчание по данному вопросу позволяет злоумышленникам манипули-

ровать системой, использовать пробелы в законе для личной выгоды и нанести существенный материальный вред другим наследникам. В сложившейся ситуации возникает острая необходимость в разработке и внедрении эффективных механизмов, обеспечивающих защиту прав всех наследников, особенно несовершеннолетних. Необходимо проанализировать существующую судебную практику и выработать четкие рекомендации для нотариусов и судов по выявлению и пресечению злоупотреблений со стороны попечителей. Кроме того, крайне важно проработать законодательные изменения, которые бы ввели обязанность информирования наследников друг о друге, а также усилили ответственность попечителей за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

В соответствии с тем, что принятие наследства по своей правовой природе характеризуется в качестве односторонней сделки, представляется реально эффективным включить в содержательные параметры Постановления Пленума Верховного Суда от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» нормативное закрепление, устанавливающее реальную правовую возможность для несовершеннолетнего наследника приобретать наследственную массу даже при отсутствии на то согласия родителей, попечителей или лиц, осуществляющих опеку. Но важно понимать, что необходимым для реализации такой возможности должно стать обязательное условие о том, что вступление несовершеннолетнего в наследство не будет его обременять по долгам наследодателя.

Такая законодательная новация поспособствует минимизированию ситуаций, при которых законные представители несовершеннолетнего наследника могут своими действиями или же бездействием поставить под удар реальную возможность реализации наследственных прав лица, не достигшего совершеннолетия. Помимо этого, внесение соответствующих корректив эффективно скажется на расширении независимости наследников, не достигших совершеннолетия, в процессе реализации ими собственных прав.

Только комплексный подход, включающий как совершенствование законодательства, так и повышение квалификации нотариусов и судебных органов, сможет эффективно решить существующую проблему и обеспечить справедливое распределение наследственных масс. Ситуация требует не просто косметических изменений, а фундаментальной перестройки системы защиты прав наследников, особенно тех, кто не может самостоятельно отстаивать свои интересы.

Необходимо создать механизмы профилактики подобных злоупотреблений, а также предусмотреть строгие санкции для нарушителей,

чтобы предотвратить повторение описанных случаев в будущем. Без таких мер, система наследования останется уязвимой для злоупотреблений, а права несовершеннолетних наследников будут продолжать нарушаться.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 29 апреля 2002 г. № 284 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – Ст. 1771.

[2] Письмо Министерства образования Пензенской области от 30 мая 2003 г. № 215/01-18 «О направлении Методических рекомендаций о порядке комплектования образовательного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и выпуска из него воспитанников». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/17401543/> (дата обращения 05.01.2025).

[3] Решение Верховного Суда РФ от 13.01.2011 № ГКПИ10-1601 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 6 Инструкции по применению методов вспомогательных репродуктивных технологий, утв. Приказом Минздрава РФ от 26.02.2003 № 67». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/1799185/> (дата обращения 05.01.2025).

[4] Решение Хамовнического районного суда г. Москвы от 15 февраля 2013 года по делу № 2-818/2013 // Архив Хамовнического районного суда г. Москвы. – 2013.

Spisok literatury:

[1] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 aprelya 2002 g. № 284 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve zdravooxraneniya Rossijskoj Federacii» // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – St. 1771.

[2] Pis'mo Ministerstva obrazovaniya Penzenskoj oblasti ot 30 maya 2003 g. № 215/01-18 «O napravlenii Metodicheskix rekomendacij o poryadke komplektovaniya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya dlya detej-sirot i detej, ostavshixsya bez popecheniya roditelej, i vy'puska iz nego vospitannikov». – Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/17401543/> (data obrashheniya 05.01.2025).

[3] Reshenie Verxovnogo Suda RF ot 13.01.2011 № GKPI10-1601 «Ob otkaze v udovletvorenii zayavleniya o priznanii chastichno nedejstvuyushhim punkta 6 Instrukcii po primeneniyu metodov vspomogatel'ny'x reproduktivny'x tehnologij, utv. Priказом Minzdrava RF ot 26.02.2003 № 67». – Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/1799185/> (data obrashheniya 05.01.2025).

[4] Reshenie Hamovnicheskogo rajonnogo suda g. Moskvy` ot 15 fevralya 2013 goda po delu № 2-818/2013 // Arxiv Hamovnicheskogo rajonnogo suda g. Moskvy`. – 2013.